
В преддверии дня сотрудника органов следствия РФ опытный следователь следственного управления СКР по Алтайскому краю рассказал в интервью газеты «Аргументы и Факты» о своей профессии

Алтайский следователь о своей профессии: «Бывало, даже трупы оживали»

Чтобы преступник не избежал наказаний, следователю нужно очень постараться. 25 июля свой профессиональный праздник отмечают сотрудники следственных органов. За плечами каждого следователя десятки и сотни раскрытых дел и столько же интересных историй.

Дмитрий Рыльский – один из тех тысяч людей в погонах, кто 25 июля отмечает День сотрудника органов следствия России. По профессиональным меркам он – «старожил»:

расследованием уголовных дел занимался ещё в прокуратуре, до образования Следственного комитета РФ. Сегодня он – старший следователь следственного отдела по Центральному району Барнаула, майор юстиции.

О тонкостях своей профессии, резонансных делах, а также курьезах на службе он рассказал в своем интервью корреспонденту АиФ-Алтай.

«Соло» не бывает

- Дмитрий Петрович, вы помните ощущения начинающего следователя, вчерашнего выпускника юрфака, от которого «враз» - в определённой степени, конечно, – стали зависеть судьбы людей?

- У меня не было внезапного погружения в профессию. Во-первых, я с первых месяцев учёбы в вузе понял, что хочу готовиться именно к следственной работе, и готовился. Во-вторых, стажировался в прокуратуре и ещё до получения диплома устроился на службу. Т.е. к началу самостоятельной работы следователем её содержательную часть я представлял не только по учебникам, но вот что меня «придавило» - так это её объём. Дела возбуждались чуть ли не каждый день... Помню первое убийство, сопряжённое с сокрытием трупа. Человек считался пропавшим без вести, потом установили, что это всё-таки криминальное исчезновение, потом совместно с уголовным розыском смогли раскрыть его и установить виновного. Это было летом 2002 года.

- Как это вы подчеркнули: «совместно с уголовным розыском». От некоторых ваших коллег слышала, мол, я – процессуальное лицо, от меня зависит результат. А многие оперативники убеждены, что без них у вас, кабинетных работников, все или почти все преступления останутся «висяками».

- (Смеётся). Обе стороны правы. Или почти правы. Мы действительно друг без друга никуда. В России система так выстроена: существует оперативная работа и следственная. Во многих странах такого нет, есть единый орган, осуществляющий всё досудебное производство. Насколько это обосновано – вопрос другой, но что есть, то есть. У нас следователь по раскрытию преступления один не работает никогда, до момента установления и задержания подозреваемого существует оперативное сопровождение, по нашим делам его в основном осуществляет полиция.

К примеру, на месте совершения убийства мы работаем с экспертом-криминалистом, экспертом-медиком; можем «провозиться» там и три, и пять, и семь часов - в зависимости от сложности обстановки. Но время терять нельзя: оперативники как можно быстрее должны получить сведения о потерпевшем, его окружении, провести т.н. подворовой обход. Бытовые убийства, как правило, в ближайшие же часы благодаря их информации и раскрываются.

«Тонкая материя»

- Ваше руководство говорит, что вы уникальный следователь...

- Неужели? Да нет, я обыкновенный.

- О вашей квалификации говорит тот факт, что вы расследуете преступления, совершённые несовершеннолетними или в их отношении. Это же «тонкая материя»?

- Не сказал бы, что я на такие дела запрофилирован, но они нередко у меня в производстве бывают, как и у моих коллег. И с несовершеннолетними не всегда трудно. Если, к примеру, подросток украл курицу, или машину угнал, тут никакой сложности нет. Как правило, это делается из-за озорства; «детки» этим даже гордятся, охотно обо всём рассказывают, понимая, что серьёзного - в их понимании - наказания не будет. Тут контакта психологического искать не приходится. А «тонкая материя» там, где дети являются потерпевшими по делам о половой неприкосновенности.

Прежде чем получить информацию, нужно потрудиться найти подход к потерпевшему; подумать, какую обстановку создать для разговора, как его грамотно выстроить, и кого пригласить. Участие психолога в таком случае обязательно, и психолог-то должен быть хороший, а не массовку создавать.

Вот не так давно у меня в производстве было дело о растлении малолетней, которой во время следствия было 11 лет. Её мать лишена родительских прав, отбывала срок за наркотики; опека была на престарелой бабушке, которая за ребёнком в силу возраста толком приглядывать не могла, не говоря уж о воспитании. И девочку «пригрел» мужчина, живший по соседству. Отношения начались с безобидного гуляния во дворе с собачками, дальше последовали приглашения в гости домой и на дачу, угощения, в т.ч. и спиртным; подарки... Девчушка осознавала себя взрослым человеком, и даже гордилась, что у неё есть взрослый мужчина. Она попала от него в зависимость. Эта «скользкая история» заинтересовала управление уголовного розыска, за парой было установлено негласное наблюдение, и вскоре оперативники убедились, что между девочкой и мужчиной имеются интимные отношения. Так появилось уголовное дело. При обыске в доме подозреваемого ранним утром мы девочку там и застали, практически взяли с поличным, однако она довольно долго и упорно стояла на позиции «крёстного». С большим трудом удалось подобрать к ней «ключик», но потом она рассказала всё про эти почти два года. Педофилу суд назначил 11 лет лишения свободы, девочка у бабушки изъята, помещена в детский дом.

- Вам не тошно общаться с обвиняемыми в педофилии, растлении и т.п.? Вы же не «абстрактный» следователь, но и отец.

- Тошно, но есть такое понятие как самоконтроль. К врачам тоже ведь разные пациенты

попадают, но лечить-то всех надо. Следовательно, расследуя любое уголовное дело, не имеет права на проявление эмоций к подозреваемому/обвиняемому, как бы по-человечески он не был неприятен.

- А на моральную поддержку потерпевших, вы, надеюсь, имеете право? Я сейчас намекаю на дело из вашей практики, резонансную историю прошлого года, когда в День города на девочку напал насильник, а она его порезала его же ножом. Тогда многие переживали, как бы ей это не вышло «боком».

Житель Барнаула получил почти 14 лет за попытку изнасилования девочки - Да не могло выйти! 13-летняя девочка, проживающая на окраине Центрального района, в частном секторе, в первой половине того дня возвращалась от бабушки привычным маршрутом: с автобусной остановки через лесополосу. И тут её вдруг сзади хватает мужчина, приставляет нож к горлу и требует, чтобы она шла с ним вглубь леса. Девочка идёт – молча, не зовёт на помощь, и негодяй решил, что она психологически сломалась. Поэтому, начиная «разоблачаться», он нож кладёт на землю. И для него глубочайшим шоком было то, что ребёнок, схватив нож, нанёс ему несколько ножевых ранений. Он бежал с места преступления, даже оставив некоторые предметы одежды. Девочка потом сказала: «Я поняла, что он меня убьёт, а я хотела жить». Совсем обычная девочка, не занимается никаким видом спорта, никаких навыков «юного бойца»: инстинкт самосохранения мобилизовал на достойное сопротивление.

Дело без тела

16-летнего барнаульца подозревают в публикации экстремистского поста в сети - Дмитрий Петрович, что такое также расследуемые вами преступления экстремистской направленности в условиях нашей тихой «провинции»?

- Они у нас в основном связаны с соцсетями, это публикации разного рода высказываний, которые разжигают разного же рода рознь – национальную, религиозную... Так, чтобы реальных экстремистов, способных и стремящихся к активным действиям, - точно не встречал. Опасность определённая в «нехороших» постах, конечно, есть. Аудитория разная: один прочитал - посмеялся, другой - плюнул, третий - лайкнул, а десятый пошёл и напал на инородца-иноверца. Такую «разговорчивость» нужно пресекать. Практика показывает, что, как правило, неосторожные высказывания позволяет себе молодёжь, люди 20-22 лет, из-за незнания закона. Но оно, как известно, от ответственности не освобождает. Органам внутренних дел пропаганду, наверное, нужно вести правовую, работать с администрациями сетей, чтобы минимизировать это всё.

Главврач получил 13 лет за убийство, хотя труп так и не нашли - Не могу не спросить об одном давнем, но очень громком преступлении - убийстве и.о.начальника горздава Барнаула Георгия Сильченко. Мы же все слышали «нет тела - нет дела», а тут вышло наоборот.

- Это не единственное преступление, где без обнаружения тела потерпевшего дело направляется в суд и вина обвиняемого полностью доказывается. Мы тогда получили доказательства, которые со 100% уверенностью свидетельствовали об убийстве Сильченко, и о том, что оно совершено его приятелем Колесниковым, главврачом стоматологической больницы № 2. Улик было достаточно. В частности, на месте преступления была обнаружена кровь, генетики определили, что это кровь пропавшего, и она определённо не была следствием, к примеру, носового кровотечения. Вся картина восстановлена до мелочей. Там же и свидетель был, к нему даже меры госзащиты применялись.

-А почему охранник поликлиники, не без участия которого произошло преступление, оказался всего лишь свидетелем?

- У нас нет ответственности за то, что ты видел преступление и не предотвратил, как и за доноительство. Этому человеку даже дачу ложных показаний нельзя было вменить, т.к. он по ходу следствия всё-таки дал правдивые показания.

- В вашей практике есть нераскрытые дела?

- Они у нас называются приостановленные. Некоторые утверждают, что не бывает нераскрываемых преступлений, но фактически они есть – и убийства, и половые посягательства. Основная их масса приходится на конец 90-х – начало 2000-х годов. Но технологии раскрытия преступлений с годами становятся более совершенными, и нераскрытых всё меньше. Сейчас и геномная экспертиза у нас отлично работает, и телекоммуникационные технологии очень помогают. С людьми больше проблем. Крайне обидно, досадно, когда есть свидетель преступления, показания которого сыграли бы ключевую роль в обвинении, но он отказывается сотрудничать со следствием. Мы, конечно, всеми законными способами пытаемся его довести до «момента истины», но принцип «моя хата с краю» буквально «въелся» во многих наших сограждан.

Моя хата не с краю

- Ваша служба –исключительно серьёзное дело или курьёзы всё-таки случаются?

- О! Сколько угодно и ещё какие! Бывало, даже «трупы» оживали. Выезжаем с опергруппой в дачное садоводство, один гражданин сообщил, что в окне одного домика случайно увидел висящего в петле человека. А в петле оказалась «кукла» - хозяин дачи так от воров её решил обезопасить.

Или выезжаем на кости скелета - собачка оказывается... Здоровый цинизм в нашей работе присутствует, куда без него.

- Чего следователь никогда не может себе позволить на службе и в частной жизни?

- Наверное, того же, чего не может позволить себе любой нормальный человек. Профессиональное разгильдяйство категорически недопустимо. Бывали у нас коллеги, которые готовы были по криминальному труп с десятком ножевых ранений сделать отказной - сам себя порезал, но таким нечего делать на службе. Как бы ты не устал, в каком бы не был цейтноте, криминал укрывать нельзя в угоду своей лени... В быту мы должны быть сдержанными, но так, чтобы что-то нам было категорически запрещено – такого нет.

- У вас когда-нибудь возникало желание «хлопнуть дверью»?

- Конечно, бывают моменты «терзаний». Вот был период, когда прокурорское следствие прекратило существование, а следственный комитет только-только создавался. Год и даже больше очень тяжело было работать, что-то близкое к хаосу происходило. Думаю, это свойственно всем реорганизационным процессам. Много коллег тогда наши ряды покинули: кто в прокуратуру вернулся, кто на вольные хлеба подался, и мне мысль такая приходила. И потом бывало, но всегда думаю: я профессией владею, я её люблю, она у меня получается, зачем я буду её менять?

Досье: Дмитрий Рыльский родился в 1981 году в Восточном Казахстане. В 2002 г. окончил юрифак в АлтГУ, поступил на службу в органы прокуратуры. Неоднократно поощрялся правами руководителя СУ СКР по Алтайскому краю. Женат, воспитывает двоих детей.

[«Аргументы и Факты – Алтай» от 20.07.2016 г.](#)

22 Июля 2016

Адрес страницы: <https://altai-krai.sledcom.ru/news/item/1055416>